

ББК

КОНВ. 25

№ 1-4

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шифръ ~~XXXX~~

XXII

Сен

Полка 8

9

3

№ 18

39

22.11.14

№ 1

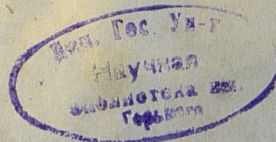
ХАРАКТЕРИСТИКА

ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

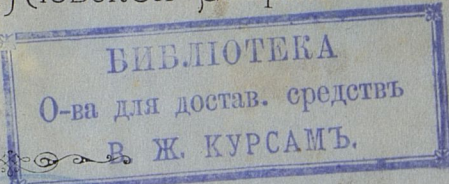
семнадцатаго вѣка.

Н. О. СУМЦОВА.

Издание редакціи „Кіевской Старины“.

816/97

КІЕВЪ.

Типографія Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., соб. д.

1885.

русск. кн.

10631

СОДЕРЖАНІЕ.

- Глава 1. Внутреннее состояніе Малороссіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст.
- Глава 2. Южно-русская литература греко-славянскаго характера.
- Глава 3. Южно-русская литература латино-польскаго характера.
- Глава 4. Замѣчанія объ ученой разработкѣ южно-русской литературы XVII вѣка.
-

ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

Глава I.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и въ XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронзырливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ западной и южной Россіи церковную унию, какъ переходную ступень къ латинству. замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ григоріанскимъ и въ замѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южно-русскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разорвалъ южно-и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и униатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно усиливалось приливомъ новыхъ униатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослѣпилъ блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ оболестила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Рус-

ская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ извѣстно, комплектовалось также изъ людей «уроженныхъ», знатныхъ, стали изъ всѣхъ силъ стремиться къ соединенію съ польской аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы.

Гордые своей наукой и литературой, своими коллегіями латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южно-руссамъ на ничтожество ихъ школъ, невѣжество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. «Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не имѣете и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ». Мало того латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю основательность этихъ упрековъ. Князь К. К. Острожскій писалъ Потѣю: «Не отъ чего иного rozmножилоса mezi людьми такое лѣннество, оспалство и отступленіе отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя, устали проповѣдачи слова Божаго, устали науки, устали казанья»... ¹⁾ Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи «Оринось» въ 1610 г.: «Гдѣ теперъ тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная церковь,—гдѣ теперъ домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы,—князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сапгущки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру народа русскаго,—Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Ханецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Калиновскіе, Мелешки, Сосновскіе,

¹⁾ Акты западной Россіи, IV, стр. 65.

Скумины, Поцѣи и другіе?...» Отвѣты получились самые печальныя. «Вы, злые люди, говорятъ Смотрицкій отъ лица православной церкви, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ»¹⁾). Современникъ князя Острожскаго и Мелетія Смотрицкаго Іоаннъ Вишенскій подтверждаетъ печальный фактъ отступничества аристократіи отъ народа и указываетъ въ то-же время, что твердость религиозныхъ вѣрованій и преданность церковно-славянскому и малорусскому языкамъ сохранилась нерушимо лишь среди тѣхъ, которые «зъ одной мысочки борщикъ хлебчуть, бицькимъ або муравскимъ кчермачкомъ покрываются и сами соби панове и слуги суть».

Православный южнорусскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религиозныя интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія, и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слились въ одномъ стремленіи отстоять православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за мірянами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстоять всѣ проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южнорусскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ случайномъ содѣйствіи высшаго духовенства, главнымъ образомъ усилями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библиотеки, типографіи, издаетъ «впелякія книги»²⁾—богослужебныя, нравоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ за границу въ Румынію учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латино-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими цер-

¹⁾ Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 16.

²⁾ Флеровъ, О православныхъ церковныхъ братствахъ, стр. 121.

ковно-приходскими школами, шпиталями, или больницами и, наконец, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Копытенскаго въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе: «Оминають, за ласкою Божею, нашу російскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлость умѣтности и правды»¹⁾.

«Свѣтлость умѣтности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господа пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ кіево-могилянской коллегіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южнорусскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича²⁾. Московское государство стало пользоваться услугами южнорусскихъ и западнорусскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго³⁾. Вскорѣ приближеннымъ къ царю челоувкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіяне работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южнорусской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, причемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего пошли

¹⁾ Завитневичъ, Паллиодія Зах. Копытенскаго, стр. 70.

²⁾ Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 144, 179.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

и принесли Великой Россіи наибольшую пользу Теофанъ Прокоповичъ и Дмитрій Ростовскій. Южнорусскіе ученые, переселившись въ московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обыкновеніе составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянъ, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіи вѣговъ ошибокъ и неточностей.

Писателямъ малороссамъ нѣтъ никакой надобности преувеличивать культурное вліяніе малороссіянъ въ Москвѣ въ XVII ст., такъ какъ вліяніе это признано и по достоинству оцѣнено московскими учеными. Такъ, профес. П. А. Безсоновъ говоритъ слѣдующее: «всякій знаетъ, какъ были они (т. е. малорусскія и бѣлорусскія вліянія) обильны, сильны и вліятельны, напримѣръ для Великороссіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей имже проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дяковокъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей, напримѣръ, пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое г вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища и т. д., и т. д.¹⁾»

По словамъ иностранца Вебера, ознакомившагося съ ученою дѣятельностью малороссіянъ въ Великороссіи въ началѣ XVIII ст., малорусскіе учителя были «люди острые и разумные»²⁾.

¹⁾ Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Предисловіе, стр. VI.

²⁾ Трегубовъ, Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст., въ «Трудахъ кіевской духовной академіи, 1884 г., т. X. стр. 205.

Глава II.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст. можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій.

Быстрое развитіе науки и литературы, послѣ продолжительнаго періода духовнаго застоя, предполагаетъ возникновеніе сильныхъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній. Малороссія XVII столѣтія служитъ подтвержденіемъ этого общаго историческаго вывода. Благодаря исключительнымъ географическимъ и историческимъ обстоятельствамъ, малорусскій народъ въ XVI и въ XVII ст. вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ южной и западной Европой и воспользовался выработаннымъ здѣсь культурнымъ содержаніемъ жизни для удовлетворенія своихъ насущныхъ духовныхъ потребностей, прежде всего воспользовался тѣмъ, что могла дать греческая и славянская наука XVII вѣка, затѣмъ захватилъ изъ западной латинской науки столько, сколько можно было взять, не нанося большаго ущерба главнымъ краевымъ и національнымъ особенностямъ вѣроисповѣданія и языка.

Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восьмидесятыхъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст., около тридцати лѣтъ въ совокупности. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища, возникшія въ концѣ XVI ст., какъ необходимое восполненіе существовавшихъ въ странѣ изстари элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ. Въ высшихъ братскихъ училищахъ изучались языки греческій, славянскій, латинскій, польскій, грамматика, риторика, пѣтица, діалектика, богословіе. Научное образованіе состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Главными просвѣтительными центрами были училища острожское, основанное въ 1580 г., львовское, основанное въ 1586 г., виленское и кievское, основанныя въ 1588 г. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст. еще не порвавшихъ духовныхъ связей съ народомъ, дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси были извѣстный московскій эмигрантъ князь Андрей Курбскій и

могущественный его другъ князь Константинъ Острожскій, въ особенноти послѣдній. Струи латинской цивилизаціи прорываются въ малорусскія науку и литературу и въ первый періодъ ихъ существованія; уже въ началѣ семнадцатаго вѣка появляются православныя полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ, напримѣръ, «Ориность»; появляется искусственная схоластическая проповѣдь, напримѣръ, проповѣди Леонтія Карповича; но все это явленія одиночныя, исключительныя, не нарушающія общаго греко-славянскаго характера южной-русской образованности. Предпочтеніе греческаго языка передъ латинскимъ, церковно-славянскаго и малорусскаго передъ польскимъ выражается во всеобщей склонности давать сочиненіямъ греческія заглавія (напримѣръ, Апокрисисъ, Антирисисъ, Ориность, Палинодія), въ составленіи большинства сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ съ весьма значительной примѣсью малорусскаго языка и въ появленіи сочиненій почти вполне народныхъ по содержанию и языку. Характеристическая особенность науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы, выражаютъ преимущественно интересы народа, во всей его вѣроисповѣдной цѣльности и въ совокупности всѣхъ его сословій.

Степень научнаго развитія южно-русскихъ писателей конца XVI ст. различна, равно какъ весьма различно ихъ умѣніе владѣть перомъ. Изъ всѣхъ научныхъ и литературныхъ дѣятелей конца XVI ст. выдается Христофоръ Бронскій, авторъ «Апокрисиса». Это былъ человѣкъ глубокаго ума и обширныхъ свѣдѣній. Быть можетъ, самая глубина его научнаго образованія, притомъ основаннаго на латино-польскихъ школьныхъ началахъ, была причиной, что Бронскій писалъ тяжелымъ искусственнымъ западно-русскимъ языкомъ, съ длинными періодами, съ частыми полонизмами. Другіе южно-русскіе писатели конца XVI ст., напримѣръ, Феодуль и Иоаннъ Вишенскій, далеко отстали отъ Бронскаго въ научномъ отношеніи, но за то значительно его превзошли по ясности изложенія и простотѣ языка. Писатели послѣдней категоріи не могли въ религиозной полемикѣ дать надлежащаго отпора латинско-уніатскимъ религиознымъ полемистамъ. Сильное латино-уніатское сочиненіе, въ родѣ сочиненія Скарги «О едноти церкви Божіей», дол-

гое время оставалось без возражения. Незвѣстный авторъ «Ключа царства небснаго» въ опроверженіи латино-униатскаго сочиненія Гербста «Выводы вѣры римскаго костела» откровенно сознается въ томъ, что неудобно «плохому и голому за збройнаго рыцера воевати, а простаку неученому за мудраго оратора отповедати»¹⁾. Такъ могли говорить только воспитанники элементарныхъ церковно-приходскихъ школъ. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ училищъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Въ то время, какъ православные писатели конца XVI ст., по причинѣ младенческаго состоянія полемической литературы, въ принципѣ отказывались отъ прямой борьбы съ латино-униатскими писателями и ограничивались лишь простымъ оправданіемъ православной церкви отъ взводимыхъ на нее обвиненій, ученые дѣятели начала XVII ст. относительно своихъ противниковъ занимаютъ твердую оборонительную позицію и по временамъ дѣйствуютъ даже наступательно. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерьъ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣтности». Современники замѣтили, что стремленіе проникнуть въ глубину таинствъ церковныхъ догматовъ овладѣло не только мужичинами, но и «бѣлыми головами, которымъ призоволта-бы куделя зъ веретеномъ, а нишли тое, што писано перомъ»²⁾. Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «зачепкой» Христофора и «краткословнымъ отвѣтомъ» Федуды, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русскаго литературнаго движенія, развившейся подъ вліяніемъ греко-славянскихъ братскихъ училищъ, служить «Палинодія» Захаріи Копыстенскаго, — огромное религіозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г. и не вышедшее въ свѣтъ по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ, вѣроятно, по трудности напечатать столь объемистое произведеніе. «Палинодія» въ рукописи была извѣстна южно-рускимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ

¹⁾ Завитневичъ, Палинодія, стр. 85.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86

по времени дѣятельности православныхъ полемистовъ, пособіемъ тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что тутъ приведены и посредствомъ богословскихъ и историческихъ доводовъ опровергнуты всѣ главныя латино-уніатскія положенія о главенствѣ римскаго папы.

Лучшимъ доказательствомъ высоты и доброкачественности греко-славянскихъ училищъ въ южной Россіи служить то обстоятельство, что подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ развилось не только богословіе, что уже само собою истекало изъ общаго строя тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, но, что въ особенности заслуживаетъ вниманія историка южно-русской цивилизаціи XVII ст., развились исторіографія и филологія. Цѣнными историческими актами и свидѣтельствами наполнены «Ектезисъ», «Перестрога», «Палинодія». Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ г. Завитневичъ, чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было-бы закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ¹⁾. Извѣстно, что православные писатели въ опроверженіе латино-уніатскихъ доводовъ изъ исторій въ пользу ученія о главенствѣ папы и существованія уніи въ Малороссіи въ старинное время, доводовъ, часто опиравшихся на подложныхъ историческихъ актахъ, выдвигали цѣнные историческіе документы, отысканные въ братскихъ архивахъ.

Во второе и третье десятилѣтіе семнадцатаго вѣка, время полнаго расцвѣта южнорусской науки и литературы греко-славянскаго характера, появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія: «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованіе» Памвы Берынды. Грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 г., представляла систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая термино-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 341.

логія, лишь отчасти измѣненная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигающее наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большой извѣстностью; нѣсколько разъ она была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова,—словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголитовъ ¹⁾). Не столь извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма почтеннымъ трудомъ былъ Словарь Беринды. Словарь этотъ представляется любопытнымъ и необходимымъ для всѣхъ изучающихъ основательно русскій языкъ. Архіепископъ Филаретъ замѣтилъ, что «Беринда выполнилъ свое дѣло съ честью... Дѣло сочинителя древняго словаря—выставить слова въ такомъ значеніи, въ какомъ принимали ихъ въ старое время, иначе, представить вѣрный сборникъ мыслей стараго времени; это и сдѣлалъ Беринда» ²⁾).

Отмѣтивъ то обстоятельство, что научное развитіе южнорусскихъ писателей конца XVI и начала XVII ст. было весьма различно и что въ этомъ отношеніи одни писатели представляются очень солидными дѣятелями, другіе—скромными литературными тружениками, мы въ заключеніе нашей характеристики греко-славянскаго періода южнорусской литературы должны отмѣтить тотъ замѣчательный въ историко-культурномъ отношеніи фактъ, что почти всѣ писатели южнорусскіе въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія обнаружили отчетливое и ясное политическое самосознаніе. И крупныя ученые дѣятели, какъ Христофоръ Бронскій, и мелкіе труженики пера, какъ неизвѣстные авторы «Черестроги» и «Ключа царства небеснаго», сходятся по широтѣ политическихъ взглядовъ

Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ, стр. 98—99.

² Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I, стр. 266.

на отношенія Малороссіи къ Польшѣ и на взаимныя отношенія различныхъ слоевъ малорусскаго народа.

По силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII ст. стояли очень высоко, выше южнорусскихъ людей конца XVII ст., не говоря уже о болѣе позднемъ времени, о XVIII ст., когда послѣдовало всеобщее духовное оскудѣніе и измелчаніе. Зрѣлость политическихъ взглядовъ южнорусскихъ ученыхъ конца XVI ст. обнаружилась въ ихъ сужденіяхъ объ отношеніяхъ Польши къ Руси и объ отношеніи высшаго русскаго духовенства и аристократіи къ посольству и горожанамъ. Въ концѣ XVI ст. южнорусскіе политическіе и литературные дѣятели сдѣлали попытку привлечь на сторону угнетаемаго южнорусскаго народа лучшую часть польской интеллигенціи. Князь Острожскій предостерегалъ польскихъ магнатовъ, что ограниченіе свободы вѣроисповѣданія и гражданскихъ правъ южно и западно-русовъ повлечетъ за собою ограниченіе гражданской свободы польскаго общества. Предостереженіе это повторилъ и разъяснилъ современникъ князя Острожскаго Христофоръ Бронскій. «Вы называете насъ братіей и членами единого тѣла Рѣчи Посполитой, обращается Бронскій въ Апокрисисѣ къ польскимъ магнатамъ, то просимъ васъ, сжальтесь надъ угнетенною братіею своею; наши страданія пусть тронуть васъ, какъ собственные раны и страданія вашихъ милостей! Если-же ваша любовь къ намъ охладилась, то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однѣхъ съ нашими доскахъ и укрѣплены однѣми связями. Берегитесь, чтобы сквозь ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ»¹⁾... Голосъ Бронскаго не былъ услышанъ. Нельзя сказать, чтобы въ концѣ XVI ст. въ польскомъ обществѣ не было людей съ свѣтлымъ умомъ, гуманныхъ и вѣротерпимыхъ; такіе люди были, только не они вліяли на ходъ историческихъ событій. Главными дѣйствующими лицами въ это время были узкіе религіозные фанатики, слѣпые слуги римской курии, въ родѣ знаменитаго діалектика и проповѣдника Петра Скарги. Іоаннъ Вишен-

¹⁾ Бронскій, Апокрисисъ, стр. 240. (академич. изд.), 1870 г.

скій, при всей ограниченности своего научнаго образованія, вѣрнымъ національнымъ чутьемъ превосходно опредѣлилъ, что не помогутъ южно-русскому народу польскій король и сенаторы, не помогутъ ему даже его собственные архіереи и паны. «Бѣдные крестьяне, писалъ Вишенскій южно-русскимъ архіереямъ, день и ночь трудятся и мучатся для васъ, а вы, высосавъ изъ нихъ кровь, силы и плоды трудовъ ихъ, обобравъ ихъ до нитки, наряжаете на ихъ счетъ своихъ сорванцовъ слугъ въ дорогія платья. Вы съ поту ихъ наполняете мѣшки золотыми, талярами, полталярами, ортами, четвертаками и трояками, а у этихъ бѣдняковъ нѣтъ и шеляга на покупку соли». Въ посланіи къ православнымъ южно-руссамъ Вишенскій говоритъ: «На пановъ же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь; въ нихъ-же нѣтъ спасенія! Все бо живого Бога и вѣры, аже въ него, отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнолюбію и лихоимству ся поклонили» ¹⁾... Вишенскій былъ правъ, его суровое осужденіе высшаго духовенства и аристократіи оправдывается всей малорусскою исторіей XVII ст.

Глава III.

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ годовъ до конца восьмидесятихъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ, на преобладаніи внѣшней показной стороны обученія, на подавленіи духовной пытливости и скептицизма началами строгой школьной дисциплины и тяжестью церковныхъ авторитетовъ, на развитіи формальной стороны науки. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди

¹⁾ Вишенскій, въ Актахъ южной и западной Россіи, т. II.

или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству; наклонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство, исключаяющее даже самую возможность появленія строго историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайній панегиризмъ,—ясное свидѣтельство всеобщаго упадка духовной жизни, явное доказательство потери строгаго нравственнаго критерія въ области политической и научной дѣятельности. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣятели шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галатовскій, Антоній Радивиловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галатовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивиловскаго, Барановичъ—Галатовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали сообща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. Хотя Барановичъ и Галатовскій обнаружили значительную зависимость отъ схоластической школы, хотя польско-іезуитскія педагогическія начала вытравили въ нихъ нѣкоторыя характерныя національныя черты, писатели эти, равно какъ писатели первой группы, жили и дѣйствовали подъ непогас-

шими еще влияніями того строя малорусской жизни, какой созданъ былъ братствами въ началѣ XVII ст. Коллегіумская схоластика имъ повредила во многомъ, но она въ половинѣ XVII ст. была еще настолько парализуема свѣтлыми и чистыми влияніями старинной украинской школы и литературы, что не могла вполне изуродовать Барановича и Галатовскаго въ духовномъ отношеніи, какъ изуродовала въ самомъ концѣ столѣтія Іоанна Максимовича. Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галатовскаго есть много еще цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галатовскій и Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказали въ видѣ случайныхъ замѣчаній и пожеланій. Эти оброненныя мимоходомъ замѣчанія даютъ изслѣдователю возможность намѣтить лишь главныя черты идеальныхъ стремленій поименованныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности доказывать, что идеалы Барановича, Гизеля и Галатовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и вѣшняго совершенства.

По мнѣнію Барановича, Галатовскаго и Гизеля, нужно думать, и всѣхъ лучшихъ людей Малороссіи второй половины XVII в., политическій и гражданскій строй страны долженъ былъ представляться въ слѣдующемъ, для нихъ желательномъ видѣ. Малороссія, лѣвобережная и правобережная въ совокупности, должна находиться подъ покровительствомъ московскаго царя. Православный царь защищаетъ православныхъ малороссіянъ отъ вѣшнихъ и иновѣрныхъ враговъ. Зависимость Малороссіи отъ московскаго государства выражается въ обязанности охранять южныя границы московскаго государства и въ опредѣленной дани, которая не была бы тягостна для народа, разореннаго продолжительными войнами; южно-русссы оказываютъ великорусскому народу всякаго рода нравственныя услуги, напримѣръ, посылаютъ въ Москву ученыхъ богослововъ и

и проповѣдниковъ, правоучительныя книги, голосистыхъ пѣвчихъ, опытныхъ садовниковъ. Москва, Польша и Малороссія входятъ во взаимныя дружескія связи и заключаютъ наступательный союзъ противъ общаго врага, магометанства. Усилія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ должны быть направлены къ тому, чтобы уничтожить кремскихъ татаръ, изгнать изъ Европы турокъ, даровать православнымъ народамъ балканскаго полуострова свободу и освободить Иерусалимъ отъ ига невѣрныхъ. Внутри Малороссія пользуется полной административной автономіей. Духовенство зависитъ исключительно отъ константинопольскаго патріарха, какъ велось изстари. Кіевскій митрополитъ избирается соборомъ духовенства и мірянъ, по предварительному соглашенію духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Нижшее духовенство избирается громадой и получаетъ отъ нея достаточное матеріальное обезпеченіе. Оно совершаетъ церковныя службы, говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей въ школахъ и поддерживаетъ шпитали. Гражданское управленіе страной находится въ рукахъ свободно-избранной старшины, во главѣ которой стоитъ гетманъ. Въ большихъ городахъ должны быть коллегіумы и типографіи, въ селахъ школы, повсемѣстно шпитали. Воспитаніе и образованіе юношества основывается на религіозно-нравственныхъ началахъ. Спеціальныя и семейныя отношенія опредѣляются евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Посполитые представляются людьми подневольными, и господство надъ ними козацкой старшины и духовенства оправдывается ссылками на Ветхій Заветъ. Старшинѣ впрочемъ поставляется въ нравственную обязанность милостиво относиться къ простому народу, не отягощать крестьянъ тяжелой работой или налогами. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитати добро общее надъ уединенное» (слова Гизеля въ его книгѣ «Мирь»).

Г л а в а I V .

Южно-русская литература семнадцатаго вѣка, богатая по числу памятниковъ, оригинальная по ихъ внутреннему содержанію, изложенію и языку, долгое время являлась своего рода terra incognita. Трудно къ ней приступить по двумъ причинамъ. Во первыхъ,

въ старинной южно-русской литературѣ преобладають богословскія полемическія сочиненія, большею частью темныя по содержанію и изложенію; изслѣдователи литературы не рѣшались опуститься въ пучину схоластическихъ толкованій догматовъ вѣры. Во вторыхъ, важнымъ препятствіемъ для успѣшнаго хода научной разработки старинной украинской литературы представляется почти полное отсутствіе южно-русской библіографіи. Не сдѣлано даже простаго перечня старинныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ; не указано, гдѣ ихъ можно найти. Такого рода указанія представляются тѣмъ болѣе необходимыми, что старинные южно-русскіе памятники разбросаны по разнымъ книгохранилищамъ, причемъ весьма цѣнные сочиненія попадаются не только въ такихъ громадныхъ книгохранилищахъ, какъ петербургская публичная бібліотека и московскія бібліотеки Румянцевскаго музея и синодальная, но и въ столь скромныхъ сравнительно съ первыми, какъ бібліотека харьковской духовной семинаріи.

Если не считать короткихъ и фразистыхъ статей о Барановичѣ и Максимовичѣ, находящихся въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» сороковыхъ годовъ, то первымъ по времени и превосходнымъ по достоинству специальнымъ изслѣдованіемъ южно-русской литературы XVII вѣка была статья Пекарскаго о кievскихъ ученыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1862 г. Долгое время никто не шелъ по дорогѣ, указанной Пекарскимъ. Лишь въ 1873 г. появилась магистерская диссертация г. Скабалановича объ «Апокризисѣ». Въ 1875 г. въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена статья объ Иоаннѣ Вишенскомъ. Въ 1876 г. Строевъ помѣстилъ въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» весьма хорошую статью о проповѣдяхъ Лазаря Барановича. Въ концѣ семидесятихъ годовъ Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьезное вниманіе на старинную западно-русскую литературу, и нѣсколько научныхъ и литературныхъ памятниковъ было издано въ двухъ томахъ «Русской Исторической Библіотеки», при дѣятельномъ содѣйствіи члена коммисіи г. Гильтебрандта. Въ началѣ восьмидесятихъ годовъ вышли XI и XII томы «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, въ которыхъ, между прочимъ, находится нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о южно-русской литературѣ XVII в. Прошлый 1883 годъ принесъ нѣсколько крупныхъ монографій по исторіи

южно-русской литературы XVII в. Въ Киевѣ вышелъ огромный первый томъ изслѣдованія г. Голубева о Петрѣ Могиляѣ (рецензія профессора Н. И. Петрова и профессора Е. Е. Голубинскаго), въ Варшавѣ—спеціальное изслѣдованіе г. Завитневича о Палинодіи (рецензія профессора Н. И. Петрова), въ Одессѣ—богатое фактами изслѣдованіе г. Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ, какъ филологѣ. Съ появленіемъ сочиненій гг. Голубева, Завитневича и Засадкевича, мракъ, покрывавшій южно-русскую литературу XVII ст., въ значительной степени разсѣялся. Небольшія, но цѣнныя замѣтки о памятникахъ южно-русской литературы XVII ст. разбросаны въ 8-мъ томѣ «Historia literat. polsk.» Вишневскаго, въ 1-мъ томѣ «Обзора духовной литературы» архіепископа Филарета, въ концѣ перваго тома «Литовской церковной уніи» г. Кояловича, во второмъ томѣ сочиненія покойнаго Ф. А. Терновскаго «Изученіе византійской исторіи», въ «Русской исторіи въ жизнеописаніи ея главныхъ дѣятелей» Н. И. Костомарова и въ исторіи русской словесности профессора И. Я. Порфирьева. Важные памятники южно-русской литературы изданы въ актахъ западной Россіи, въ актахъ южной и западной Россіи, въ сочиненіи г. Малышевскаго о Мелетіи Пнгалѣ, въ «Чтеніяхъ въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» (при секретарѣ А. Поповѣ).

Въ интересахъ успѣшной научной разработки южно-русской литературы семнадцатаго вѣка желательно

во 1) чтобы составленъ былъ полный библиографическій указатель южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ, религіозно-полемическихъ сочиненій, богословскихъ трактатовъ, словарей, писемъ, сочиненій о календарѣ и друг., съ подробнымъ приведеніемъ заглавія, съ указаніемъ, гдѣ находится памятникъ, какихъ изданій, что о немъ писано;

во 2) чтобы составленъ былъ библиографическій указатель изслѣдованій по политической и бытовой исторіи Малороссіи, который могъ-бы послужить изслѣдователю южно-русской литературы пособіемъ при объясненіи литературныхъ памятниковъ общимъ состояніемъ образованности;

и въ 3) чтобы были изданы южно-русскія старопечатныя книги, нравоучительныя, религіозно-полемическія и строго научныя, въ родѣ грамматикъ, словарей, сочиненій о календарѣ, во всемъ ихъ

составѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей изложенія и языка, на подобіе того, какъ Обществомъ любителей древней письменности изданы старинные московскіе литературные памятники¹⁾.

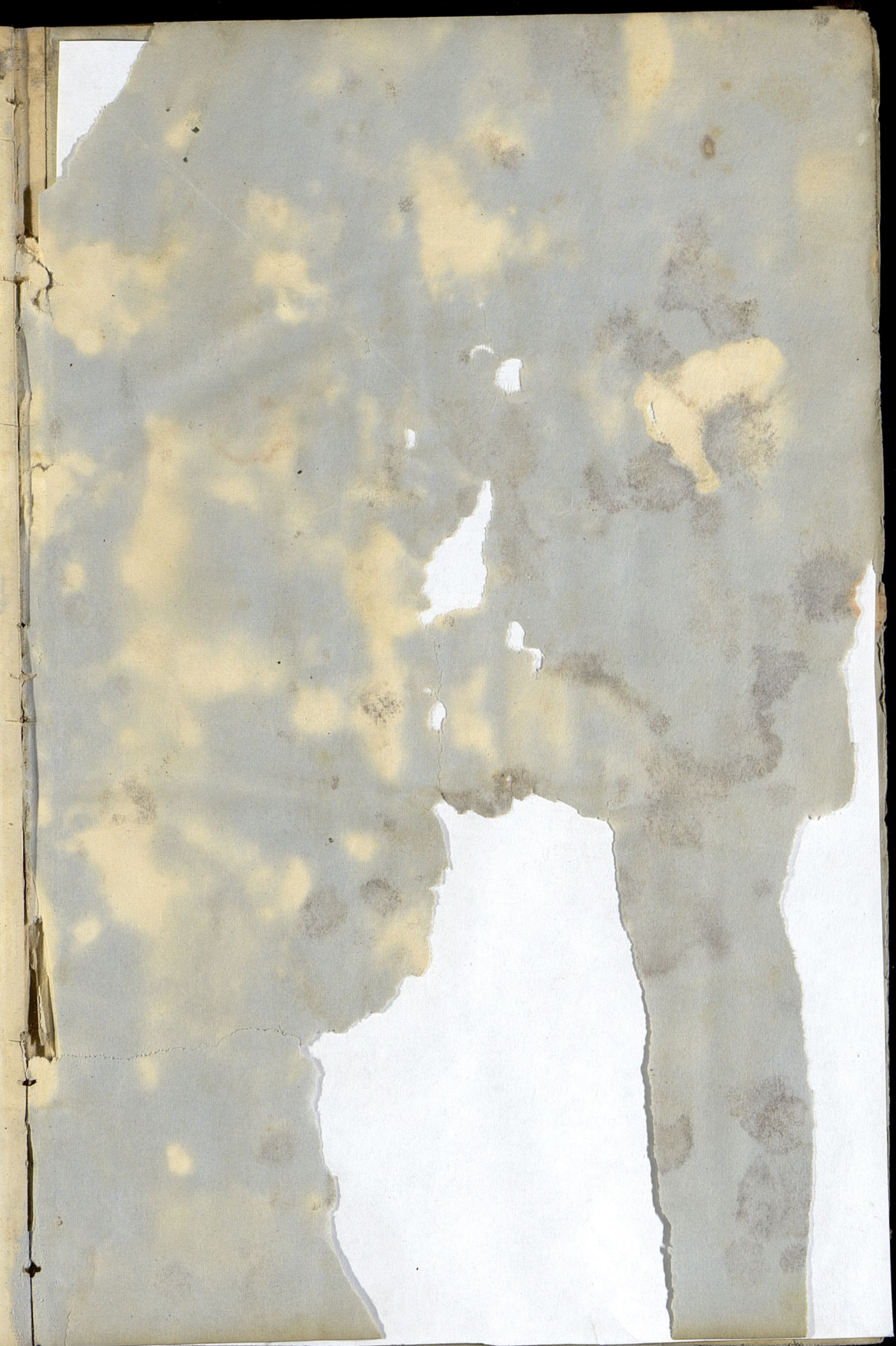
Н. Ѡ. Сумцовъ.

20 октября 1884 г.

[30]

¹⁾ *Примѣчаніе:* Статья эта должна служить предисловіемъ къ первымъ тремъ выпускамъ моего изслѣдованія: «Къ исторіи южно-русской литературы». Первый выпускъ о Лазарѣ Барановичѣ изданъ въ Харьковѣ въ 1884 г., второй объ Іонникіѣ Галатовскомъ и третій о Гизелѣ первоначально были напечатаны въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., потомъ вышли отдѣльно съ дополненіями и поправками. — Н. С.

Въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы»
и «Новаго времени» и въ Варшавѣ въ книжныхъ магазинахъ
... Хавкина и г. Ив. Куколевскаго.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. О. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. О. Одескій. 18... Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1864 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- 3) Іоанникій Галатовскій. 1860 г. Цѣна 80 коп.
- 4) Иннокентій Гизель. 18... г. Цѣна 50 коп.
- 5) Слободско-украинское крестьянство въ произведеніяхъ Г. О. Квитки.
1884 г. Цѣна 20 коп.
- 6) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ.
1884 г. Цѣна 25 коп.
- 7) Обрядовое употребленіе... Цѣна 1 руб. 50 коп.

ТАНЫ:

- Очеркъ исторіи... кадной Европы. 1878 г.
- О повѣрьяхъ... деніи ребенка. 1880 г.
- О свадебныхъ...